

СОЦИАЛЬНОЗНАЧИМЫЙ ПРОЕКТ К 400-ЛЕТИЮ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИМПЕРАТОР ИОАНН VI АНТОНОВИЧ

Иоанн VI Антонович - император, родился 2 августа 1740 года, умер 4 июля 1764 года. Он был сын принца Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского и Анны Леопольдовны, дочери герцога Карла Леопольда Мекленбургского и Екатерины Иоанновны, дочери царя Иоанна Алексеевича Романова.

Императрица Анна после долгих колебаний только накануне смерти, 16 октября 1740 года, подписала указ о назначении преемником своим на императорском всероссийском престоле младенца Иоанна, под регентством, до его совершеннолетия, герцога Эрнста Иоанна Бирона. В ночь с 8 на 9 ноября того же года Бирон был свергнут и регентшей стала мать Иоанна, Анна Леопольдовна, а в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года Елизавета Петровна свергла малолетнего императора и была сама провозглашена императрицей.

Вся Брауншвейгская фамилия была помещена под надзором в бывшем дворце Елизаветы. В манифесте от 28 ноября 1741 года сказано, что вся фамилия будет отпущена за границу и получит приличное содержание.



ПЛАНЫ МЕНЯЮТСЯ

Елизавета сначала, несомненно, имела такие намерения. 12 декабря 1741 года генерал-лейтенант Василий Федорович Салтыков с большим конвоем вывез Иоанна с родителями и сестрой из Петербурга; ему было велено ехать по возможности скорее. Но потом на Елизавету действовали разные внушения и она решила задержать Иоанна в России до прибытия избранного ею в наследники собственного племянника, принца Петра Голштинского (впоследствии император Петр III Федорович). 9 января 1742 года привезена была Брауншвейгская фамилия в Ригу и помещена в замке, где жил прежде Бирон; тут Анна Леопольдовна по требованию императрицы подписала присягу ей за себя и за сына; между тем, слухи о враждебном настроении Анны Леопольдовны по отношению к новому правительству и заговор Турчанинова (в июле 1742 года) заставили Елизавету видеть в Иоанне опасного претендента и потому она решила не выпускать его из России. 13 декабря 1742 года Брауншвейгскую фамилию поместили в крепости Динамюнде; когда же в июле 1743 года открыт был новый заговор, Лопухина, то в январе 1744 года решено было перевести всю фамилию в Раненбург (позднее Рязанской губернии). 27 июля 1744 года был дан приказ

камергеру Николаю Андреевичу Корфу отвести арестованных в Соловецкий монастырь. Прибыв в Раненбург 10 августа, Корф нашел почти все семейство больным; он спросил в Петербург, что делать, и получил приказание немедленно исполнить поручение; тогда уже Корф распорядился отправкою арестованных. Малолетнего Иоанна Корф должен был отдать везти майору Миллеру, которому строжайше запрещено было показывать кому-либо младенца, приказано было даже называть его не Иоанном, а Григорием. В октябре прибыли в Холмогоры и Корф, остановившись тут, настоял, чтобы заключенных и содержащих в Холмогорах, в архиерейском доме, представляя, что в Соловках труднее будет доставлять им пропитание и держать их в тайне. Иоанн был помещен отдельно от всей семьи и можно думать, что остальные даже не знали, что он находится почти рядом с ними. Корф уехал в Петербург весной 1745 года, сдав надзор за арестантами капитану Измайловского полка Гурьеву, при котором оставались Миллер и Вындомский.

Подробностей о пребывании Иоанна Антоновича в Холмогорах нет. Известно, что его держали в *строжайшей тайне*. Только в случае, если бы он был очень опасно болен, к нему было позволено допустить священника. Все, знавшие о младенце, были обязаны поклясться ничего о нем не говорить.

УНИЧТОЖИТЬ ПАМЯТЬ

Правительство Елизаветы принимало все меры, чтобы уничтожить даже память об императорстве Иоанна: приказано было уничтожать присяжные листы с его именем, уничтожать в книгах листы с его титулом, перечеканивать монеты и медали с его изображением. Говорить младенцу, кто он, было, конечно, запрещено, запрещено было и учить его грамоте. Однако Иоанн знал свое имя, знал, что он принц и даже называл себя государем той страны, где он находился и если, быть может, не умел читать, то все-таки был несколько сведущ в Священном Писании, имел некоторые сведения о творениях отцов церкви. Факт этот засвидетельствован донесениями офицера, наблюдавшего за ним в Шлиссельбурге.

ТАЙНЫЙ УЗНИК



В 1756 г. в Тайную Канцелярию был доставлен беглый преступник Иван Зубарев, который, между прочим, рассказал, что он был в Берлине, через посредство известного Манштейна видел самого короля Фридриха и что его уговаривали поднимать раскольников в пользу Иоанна Антоновича и обещали самого принца выкрасть из Холмогор. Если даже и не было придано веры этому рассказу целиком, то из него стало, все-таки, очевидно, что местопребывание бывшего императора стало известно многим. Поэтому решено было перевести его в другое, более надежное место, и в 1756 году, глухой ночью, лейб-кампании сержант Савин увез его в Шлиссельбург.

Иоанн содержался там под непосредственным ведением начальника Тайной Канцелярии, Александра Ивановича Шувалова, под ближайшим надзором сначала гвардии капитана Шубина, а когда он заболел капитана Овцына; помощниками при них были два офицера Власьев и Чекин. Донесения Овцына известны и обрисовывают нам состояние узника с 1757 по 1761 годы. Местопребывание его было тщательно скрывается; офицерам запрещено было в письмах к родным сообщать, где они находятся; письма к ним должно было писать просто на Тайную Канцелярию. Безысходное заключение, не говоря уже о тяжелой в нравственном отношении обстановке, разрушительно

подействовало на организм узника. Овцын неоднократно доносил о его совершенно ненормальном поведении и более склонялся к мысли, что он, действительно, помешан, чем что он притворяется. Узник был чрезвычайно раздражителен и подозрителен; ему постоянно казалось, что его портят шептаниями, дурными взглядами; каждое почти движение окружающих он толковал, как направленное к его вреду и вообще чрезвычайно легко раздражался, часто покушался бить окружающих; много разговаривал сам с собою, говоря совершенно непонятные вещи; постоянно выражал он ко всем окружающим глубочайшее презрение, себя называл великим человеком, принцем,

говорил, что он бесплотен, что только дух св. Григория принял его вид, временами говорил, что хочет постричься, но отказывался от предлагаемого ему имени Григорияервасия и желал принять имя Феодосия, думал быть митрополитом и говорил, что тогда испросит у Бога позволения кланяться образам и даже некоторым людям, а что без этого он не должен никому поклоняться. От являвшихся у него временами припадков буйства Иоанна удерживали, лишая чаю и лучшей одежды; тяжело было ему присутствие офицеров, которые его часто умышленно дразнили. Многие историки считают, что показания о безумии Иоанна Антоновича не вполне достоверны и основанием недоверия указывают то обстоятельство, что наиболее прямое и положительное свидетельство в таком смысле было дано надзиравшими за узником офицерами уже после его смерти. Но и более ранние донесения Овцына дают нам несомненные указания на ненормальность состояния Иоанна Антоновича; что же касается того, что о безумии узника особенно решительно было сказано после его смерти, то это совершенно естественно: тогда именно был поднят этот вопрос прямо, а кроме того совершенно естественно, что надзиратели за узником не считали нужным в своих обычных ежедневных рапортах постоянно повторять о его безумии, а прямо выразили свое убеждение в этом уже после его смерти.

Петр III Федорович по вступлении на престол посетил узника в Шлиссельбурге, в сопровождении Н. А. Корфа, Унгерна, Александра Нарышкина и Волкова; со слов Корфа передано это свидание Бюшингом: Иоанн произвел впечатление человека слабого физически и расстроенного умственно. То же сказано и в манифесте по случаю его смерти, причем упоминается, будто и Екатерина его видела. Обстоятельства этого свидания совершенно неизвестны, но одна записка Екатерины к Н. И. Панину, без обозначения времени, дает основание думать, что Екатерина, действительно, ездила в Шлиссельбург (Сбор. Имп. Рус. Ист. Об. VII, 331). По общему отзыву Иоанн был крайне косноязычен, говорил, — хотя и поддерживая

ПЕТР III ФЕДОРОВИЧ ПОСЕЩАЕТ УЗНИКА

рукою нижнюю челюсть, — так что его почти невозможно было понять. Петр III думал улучшить судьбу арестанта и поместить его в особом для него выстроенном здании, но из-за свержения Петра предположение это не осуществилось.

При Екатерине узник находился под непосредственным ведением Н. И. Панина, который в первое время правления Екатерины принимал ближайшее участие во всех важнейших внутренних делах. В первые же дни по воцарении императрицы генерал-майор Силин вывез узника из Шлиссельбурга и направился в Кексгольм, так как в Шлиссельбурге решено было поместить Петра Федоровича; но буря задержала их на дороге, а после смерти Петра Федоровича Иоанн был возвращен в Шлиссельбург. Узник остался в прежнем положении, которое становилось даже все тяжелее, потому что офицеры, тяготясь своею обязанностью быть постоянно с арестантом, все враждебнее и враждебнее к нему относились и более его дразнили.

В народе об узнике знали так мало, что местопребывание его оставалось неизвестным даже таким людям, как сенатор Иван Иванович Неплюев.

По некоторым данным, вслед за воцарением Екатерины, Бестужевым составлен был план брака ее с Иоанном.

УБИЙСТВО ЦАРЯ

Иоанн Антонович был убит в ночь на 5 июля 1764 года охранявшими его офицерами при попытке освобождения, предпринятой Василием Яковлевичем Мировичем, который склонив с помощью подложных манифестов на свою сторону гарнизонных солдат, арестовал коменданта крепости Бередникова и потребовал выдачи Иоанна. Приставы сперва сопротивлялись с помощью своей команды, но когда Мирович навел на крепость пушку, сдались, предварительно, по точному смыслу инструкции, убив Иоанна.

Тело бывшего императора похоронено было где-то в Шлиссельбургской крепости, по христианскому обряду, но тайно.

В 1780 году оставшиеся в живых его братья и сестры были высланы в Данию. В последствие было несколько самозванцев, выдававших себя за Иоанна Антоновича (последний - в 1788 году).

В правление Елизаветы и ее ближайших преемников самое имя Иоанна подвергалось гонению: печати его царствования переделывались, монета переливалась, все деловые бумаги с именем императора Иоанна предписано было собрать и выслать в сенат; манифесты, присяжные листы, церковные книги, формы поминовения особ Императорского дома в церквах, проповеди и паспорта велено было сжечь, остальные дела хранить за печатью и при справках с ними не употреблять титула и имени Иоанна, откуда и явилось название этих документов «делами с известным титулом». Лишь высочайше утвержденный 19 августа 1762 года доклад сената остановил дальнейшее истребление дел времен Иоанна, грозившее нарушением интересов частных лиц. Доступ к документам об Иоанне Антоновиче был открыт лишь в 60-е годы XIX века.

Подготовила А. ГУСЕЛЕТОВА